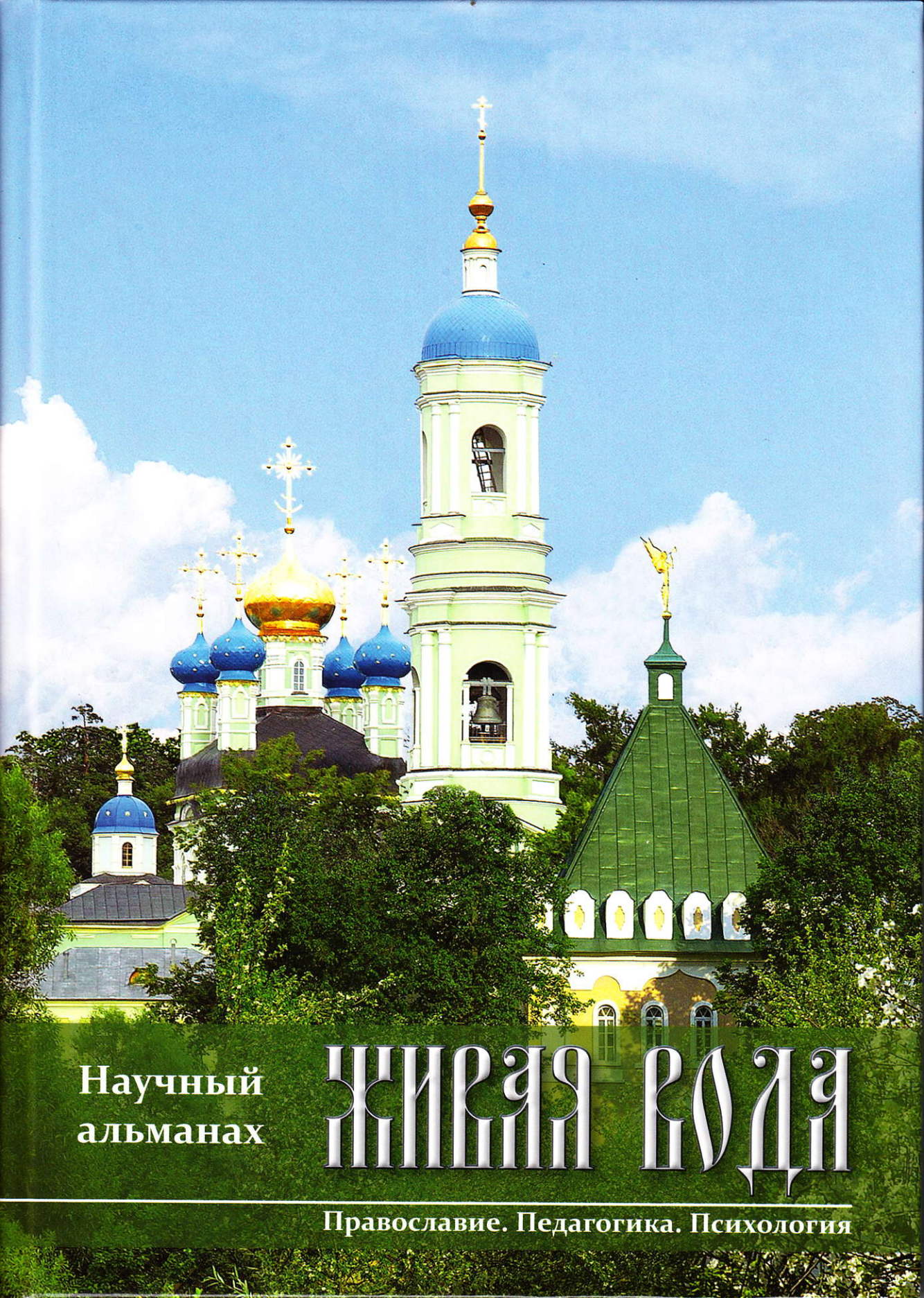

Научный
альманах

ЖИЗНЬ ВОДА

Православие. Педагогика. Психология

Православие. Педагогика. Психология

ЖИЗНЬ И ВОДА

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск I

Калуга
2012

УДК 371
ББК 74
Ж66

Учредитель:
ГАОУ ДПО «КГИМО»
Адрес редакции: 248600, Калуга, ул. Гагарина, 1
тел. / факс. 8(4842) 54-77-11 / 54-96-33.
E-mail: kgimo@mail.ru
E-mail: red.kgimo@gmail.com

Редакционный совет:

Слободчиков Виктор Иванович, доктор психологических наук, профессор — председатель редакционного совета;

Шувалов Александр Владимирович, кандидат психологических наук — главный редактор;

Остапенко Андрей Александрович, доктор педагогических наук, профессор;

Войтенко Татьяна Павловна, кандидат психологических наук;

Протоиерей Константин Зелинский, кандидат педагогических наук.

Живая вода: научный альманах. — Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2012. — Вып. 1. — 216 с. — (Серия «Православие. Педагогика. Психология»).

Альманах «Живая вода» задуман как научно-практическое издание, ориентированное на рассмотрение педагогической и психологической проблематики в свете христианского мировоззрения.

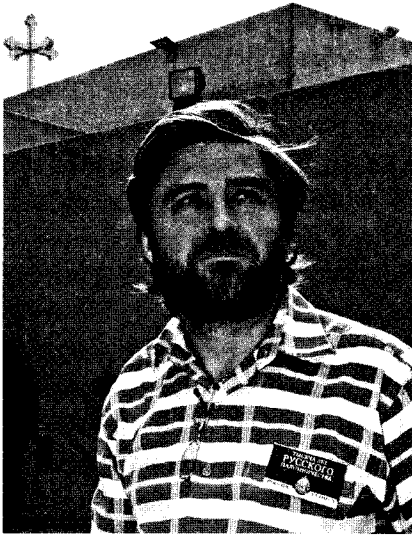
Первый выпуск альманаха посвящен проблемам современного отечественного образования. Его характеризует широкий охват затронутых тем, глубина их анализа и многоаспектность освещения материала: от философского осмысления и методологических построений до конкретных методик и практических рекомендаций. Разноголосое, но единодушно (единомышленно) звучат слова авторов о необходимости возродить целостную связь образования со святоотеческой традицией.

Эта книга адресована российскому учительству, воспитателям, специалистам и руководителям образовательных учреждений, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам психолого-педагогических специальностей, организаторам системы повышения квалификации, ученым гуманитарного профиля, а также любому читателю, интересующемуся проблемами образования и воспитания детей. Она составлена так, чтобы и молодые специалисты, и искушенные педагоги могли найти для себя важные вопросы и ключи к ответам.

УДК 371
ББК74

ISBN 978-5-905374-11-1

© ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт модернизации образования», 2012

Андрей Александрович
Остапенко

Доктор педагогических наук, профессор Кубанского государственного университета и Екатеринбургской духовной семинарии, ost101@mail.ru

АНТИНОМИИ КАК ОСНОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

А. А. Остапенко

...ασυγχύτως, ατρέπτως, αδιαρέτως,
αχωρίστως¹.

*Из определения IV Вселенского
Халкидонского Собора*

Magnum est posse se stabiliter
figere in coniunctione oppositorum².

Николай Кузанский

Профессор А. И. Осипов в рамках богословских лекций замечает: «Те догматические истины, которые христианство возвещает в качестве основополагающих своих истин, удивительным образом не сходны, причем принципиально несходны, со всем тем комплексом идей, как сознания язычников, т. е. представителей языческих религий, так и сознания философствующего разума. Удивительным образом христианские истины отличны от них» (Осипов, 2002). Формулировкам основных христианских догматов присуще то, что Н. Бор называл «нетривиальными суждениями». Напомним, что Н. Бор как один из создателей квантовой механики разделяет суждения на два вида: *тривиальные и нетривиальные*. Тривиальные (т. е. обычные) — это те суждения, для которых противоположные утверждения являются ложными. Нетривиальные — это суждения, для которых противоположные утверждения являются истинными. Это хорошо показано в теории относительности, в неклассической квантовой механике. Так вот, христианские

¹ «...неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» (греч.).

² «Великое дело — быть в состоянии твердо укрепиться в единении противоположностей» (лат.).

истины обладают свойством нетривиальности. В них одновременно утверждается истинность двух взаимно исключающих положений. Такое мировосприятие принципиально отличается от приземленного мирского рационализма. «Христианин всегда заботится об истине больше, чем о последовательности. Если он видит две истины — например, о наличии Промысла и о человеческой свободе — он принимает обе истины вместе с противоречием» (Кураев, 1995, с. 134). Таков путь христианской догматики.

По своему исходному значению догмат — это понятие положительное. «Догмат δόγμα (от греч. думать, полагать, верить) — мысль, вполне утвердившаяся в человеческом сознании, ставшая твердым убеждением человека, а также определившееся твердое, неизменное решение человеческой воли» (Полный православный богословский энциклопедический словарь, 1992, с. 752). Основываясь на этом понимании, мы не разделяем категоричности советской трактовки догматизма как «некритического мышления». Скорее согласимся с тем, что «бездогматизм есть бессодержательность» (Глаголев, 1983, с. 238), и приведем еще одно суждение протодиакона А. Кураева: «догмат как умная икона не „кладет предел“ поиску и мысли, а, напротив, ждет от человека усилия, направленного к пониманию и жизненному усвоению обозначенного догматом духовного пространства. Догмат — не колючая проволока, запрещающая выходить за очерченные пределы, это скорее дверь, через которую можно войти в просторы, обычно недостижимые и даже незамечаемые» (Кураев, 1995, с. 117).

Методология антиномизма

Один из признаков догматизма — антиномичность догматов. В науке и философии это можно было бы определить как парадоксальность. В этой связи нам импонирует мысль философа Г. С. Померанца, выраженная им в телепрограмме А. Гордона (НТВ, 25.12.01) о том, что «глубина может быть выражена либо поэтически — метафорой, либо — парадоксом. Любое логическое предложение раскалывает целое на два куска: субъект, предикат и связка. Целого уже нет. Целое можно только созерцать, поэтому метафора и парадокс — это язык глубины». Антиномией называют заостренную форму парадокса.

В соответствии с общепринятым определением антиномия есть противоречие между рядом положений, которые по своей сути равно доказуемы и каждое из которых имеет законную силу (см.: Краткая философская энциклопедия, 1994, с. 23). Что буквально соответствует этимологии греческого слова ἀντινομία, означающего противоречие двух одинаково законных положений. Специфика антиномизма состоит в том, что он совмещает в себе рассудочное и сверхрассудочное, имманентное и трансцендентное, дискурсивное и интуитивное.

Выдающимся примером антиномического мышления стали основные положения христианского вероучения. «Догматы церкви, — пишет В. Н. Лосский, — часто представляются нашему рассудку антиномиями, которые тем неразрешимее, чем возвышеннее тайна, которую они выражают. Задача состоит не в устранении антиномии путем приспособления догмата к нашему пониманию, но в изменении нашего ума для того, чтобы мы могли прийти к созерцанию богооткрывающейся реальности» (Лосский, 1991, с. 122).

Рассмотрим антиномичность некоторых христианских представлений. Пример первый. В догмате о Святой Троице христианство, с одной стороны, сохраняя чистый монотеизм, утверждает о том, что Бог Един, и в то же время утверждает Его Троичность. Представим рассуждение рационального ума. «Вообще-то христианство верует в какого Бога, единого или не единого? „Верую во Единого Бога“, — утверждается в Символе Веры. Значит, христианство — это какая религия? Монотеистическая. Простите, ну три лица, или нет? Три. Так три — это же не один. Это же отвержение единства! Верно, это противоположное суждение. Христианство утверждает и то, и другое» (Осипов, 2002).

Другой пример. Напомним, что IV Вселенский Собор, созданный в 451 году в Халкидоне, утвердил православное учение об образе соединения Божественной и человеческой природы в Лице Иисуса Христа, в котором Божество и человечество «соединилось в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно» (Поснов, 1964, с. 419). Полностью определение Халкидонского Собора звучит так: «Последуя святым отцам, все согласно научаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве, совершенного в человечестве, истинно Бога, истинно человека, того же из разумной души и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа единого прежде веков от Отца по Божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного в двух естествах *неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно* познаваемого, так что соединением ни сколько не нарушается различие двух естеств, тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо, в одну ипостась, — не в два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына, Единородного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как предал нам символ отцов» (цит. по: Аверкий (Таушев), 1968, с. 69). Рационалистический ум не принимает алогичную формулу «*неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно*» и порождает ересь монофизитства. А между тем именно эта православная формула утвердила антиномизм как основу православной догматики, как методологию православного мировоззрения, в которой Бог «неразделен в разделениях и непреумножаем во множественности» (Дионисий Ареопагит, 1991, с. 30).

И, наконец, исторически более поздний третий пример. В XIV веке так называемые паламитские Соборы в качестве догмата Церкви утверждают учение св. Григория Паламы о Божественных энергиях. В. Н. Лосский повествует: «Архиепископ Фессалоникийский святой Григорий Палама, глашатай Соборов этой великой эпохи византийского богословия, посвятил один свой диалог, озаглавленный „Феофан“, вопросу о Божестве несообщаемом и сообщаемом. Разбирая смысл слов апостола Петра „причастники Божеского естества“, святой Григорий Фессалоникийский утверждает, что это выражение характерно антиномичное, что и роднит его с троичным догматом: как Бог одновременно — Один и Три, так и о Божественной природе следует говорить как об одновременно несообщаемой и в известном смысле сообщаемой: мы приходим к сопричастности Божественному естеству, и однако оно остается для нас совершенно недоступным. Мы должны утверждать оба эти положения одновременно и сохранять их антиномичность как критерий благочестия» (Лосский, 2003, с. 162). Далее: «Для святого Григория Паламы <...> Божественная простота не могла обосновываться понятием простой сущности. Точка отправления его богословской мысли — Троица, Троица совершенно простая, несмотря на различие природы и Лиц, так же как и Лиц между Собой. Эта простота — антиномична, как антиномично всякое высказывание в учении о Боге: она не исключает различения, но не допускает в Божественном существе ни отлучения, ни дробления. Ведь мог же святой Григорий Нисский утверждать, что человеческий ум остается простым, несмотря на его разнообразные способности: наш ум, действительно, разнообразится, относясь к известным ему предметам, но остается нераздельным и не переходит по своей сущности в другие субстанции. Однако ум человеческий — не „превыше имен“, как три Лица Пресвятой Троицы, которые обладают в общих своих энергиях всем, что только можно было бы приписать природе Бога. Простота не означает единообразия или неразличимости; тогда христианство не было бы религией Пресвятой Троицы» (Лосский, 2003, с. 169–170).

Эти образцы антиномизма христианской догматики, которые можно было бы продолжать, являют пример нетривиального, алогичного, парадоксального мышления и метода, обеспечивающего *выражение истины в ее полноте*.

В широкий философский обиход понятие «антиномия» ввел И. Кант. В его работе «Критика чистого разума» содержится специальное учение об антиномиях. Но подлинное развитие методология антиномизма получила в работах русских религиозных философов. Если, по Канту, антиномии обнаруживаются тогда, когда разум пытается выйти за пределы чувственного опыта и познать в принципе непознаваемую «вещь в себе», то православные богословы обосновали положения о неспособности человека рациональным путем постичь трансцендентное начало. Эта неспособность — не только

выражение слабости и ограниченности человеческого ума, но и прямое следствие ущербности пораженной грехом человеческой природы. Логическому мышлению и формальной рассудительности они противопоставляют особые духовные способности видения мира: веру, любовь и религиозный опыт.

Начало фундаментального обсуждения антиномизма положил священник, религиозный мыслитель и ученый П. А. Флоренский. Подробный анализ идеи антиномизма он дает в одной из самых известных своих книг «Столп и утверждение истины» (Флоренский, 1990). Философская концепция П. А. Флоренского базируется на основной, главной антиномии бытия — антиномии «мира горнего» и «мира дольного». Он проводит демаркационную линию между Истиной (с большой буквы) божественной, вековечной, и истиной (с маленькой буквы) человеческой, частной, дробящейся и мятущейся. Рациональным (логическим, научным) путем достигается познание истин человеческих. Познание же Истины, по Флоренскому, предполагает духовный подвиг, акт веры. Для понимания Истины без веры у человечества не хватает «знания условий достоверности». Таким условием для религиозного сознания является чувство Истины.

П. А. Флоренский приходит к выводу, что Истина может существовать лишь как «актуальная бесконечность», которую представляет триединный Бог, соединяющий в себе ценности Истины, Добра и Красоты. Поскольку Истина и есть Бог, то она и «есть единая сущность о трех ипостасях»: Троица есть Истина.

Вера в христианстве неразделима с любовью. П. А. Флоренский утверждает: «В любви и только в любви мыслимо действительное познание Истины». Явленная истина, — говорит он, — есть любовь, осуществленная любовь есть красота. Любовь моя — есть действие Бога во мне и меня в Боге, любовь — это та сила, благодаря которой устанавливается всеединство и придается смысл человеческой деятельности. В творчестве многих русских мыслителей любовь выступает как онтологическая категория и имеет своими истоками Бога, Божественную Софию. Русские мыслители стремились к такому социальному и нравственному идеалу, в основе которого лежит любовь, соединяющая плоть и дух в одно целое, на пути человека к Богу (см.: Егорова, 2009, с. 15–16).

Любовь в русской религиозной философии выступает как антиномичный принцип мышления, который вытекает из природы христианской Богочеловеческой любви: отказ от себя, чтобы стать собой, — существенный пункт антиномии любви в преодолении эгоизма, самолюбия.

Антиномия у П. А. Флоренского не является неразрешимым противоречием, к чему приходит И. Кант в результате попытки разрешить его логически. Это такое противоречие, которое становится тождеством в «иных координатах», при прорыве в религиозную мистику, осуществив подвиг веры. Истина антиномична и по своей природе, т. к. ее познание требует духовной

жизни, опирающейся на подвиг рассудка — веру, которая для рассудка является актом самоотрешения.

Свою жизненную задачу П. А. Флоренский понимал как *проложение путей* к будущему цельному мировоззрению, синтезирующему веру и разум, интуицию и рассудок, богословие и философию, искусство и науку. Комментируя труды П. А. Флоренского, современный исследователь С. С. Хоружий указывает, что «главной отличительной чертой рассудка является то, что он способен воспринимать, видеть Истину исключительно как набор формальных противоречий, антиномий. <...> *Только формой антиномии Истина может представляться рассудку*» (Хоружий, 1993, с. 100–101). В отзыве на книгу П. А. Флоренского «О духовной истине» С. С. Глаголев пишет о том, что «антиномии разрешаются в высшей стадии религиозного развития, разрешаются сверхсознанием, сверхлогику» (Глаголев, 1996, с. 250).

Наряду с о. Павлом Флоренским методологию антиномизма развивали философ и общественный деятель кн. Е. Н. Трубецкой, русский православный психолог С. Л. Франк, священник Сергей Булгаков, философ Н. А. Бердяев. Антиномизм русской мысли, во многом, определяется ролью православия в русской культуре. Методология антиномизма становится основой русской религиозной философии. Обобщая авторитетные мнения (к сожалению, неизбежно их упрощая), мы можем предварительно подытожить: *антиномия есть единство двух одинаково верных, одинаково доказуемых противоположных положений, а антиномизм есть метод соединения этих противоположностей, который заключается не в усреднении и не в устранении их, а в балансировании, «витании», пульсации между ними.*

Необходимо заметить, что антиномия принципиально отличается от диалектического противоречия тем, что она не требует своего разрешения. «Антиномичный подход не только учитывает полярности, но и считает их правомерными, равноценными и предлагает искать пути адаптации к ним» (Клепко, 1998, с. 108). Антиномии рационально неразрешимы и непреодолимы; они изживаются в религиозном опыте, в «высшем озарении». Там и только там снимаются, совмещаются противоположности.

Педагогические антиномии

Идея использовать антиномический принцип в педагогике принадлежит священнику, педагогу и психологу протоиерею Борису Ничипорову. Что само по себе не вызывает удивления, ибо *православное мышление изначально антиномично*, а «антиномия есть некое таинство, где встречаются и объединяются в Святом Духе две противоположности» (Ничипоров, 1994, с. 153). Причем, по мнению о. Бориса, не только православное мировоззрение несет отпечаток антиномизма, но и «во всех религиозных

и просто подлинно правдивых текстах о человеке мы обнаруживаем не только сложность, но алогизм, совмещение несовместимого. Но странно — именно это обстоятельство и делает текст понятным и глубоким» (Ничипоров, 2002 б, с. 12).

О. Борис полагал, что основания православной педагогики и онтологической психологии могут быть сформулированы в виде ряда фундаментальных антиномий: «надо просто пытаться удерживать тот принцип, который мы имеем от Халкидонского собора, — о неслиянном сосуществовании двух природ, божественной и человеческой, во Христе. И этот принцип должен быть перенесен нами на образовательную почву» (Ничипоров, 2002 а, с. 180).

В 1994 году в книге «Введение в православную психологию» о. Борис формулирует первые педагогические антиномии (Ничипоров, 1994, с. 153–154):

- антиномия *свободы и послушания*;
- антиномия *вселенского и местного* (в категориях научной педагогики: антиномия *общекультурного и национального*) провозглашает путь «от освоения духовного и культурно-исторического наследия своей земли к освоению вселенского духовного опыта»;
- антиномия *традиционного и прогрессивного* (в категориях научной педагогики: антиномия *традиционного и инновационного*).

Здесь трудно не согласиться с о. Борисом, ведь общеизвестно, что инновационный бум, захвативший школы в последние годы, повлек не столько созидательные, сколько разрушительные итоги, а именно последовательное расшатывание и разрушение традиционных школьных устоев. Хотя, с другой стороны, те школы, которые не обогащаются новыми педагогическими идеями и опытом, обречены на отставание. Но важно отдавать отчет, что в себе несет и куда влечет передовое и новое. Поэтому в данном вопросе (как и в других подобных вопросах) необходим трезвый подход и разумный баланс.

В упомянутой нами работе о. Борис, приводя отрицательные примеры домашнего устройства, формулирует принцип «автономии открытости», который вполне применим к педагогической реальности. Его можно представить как четвертую антиномию *открытости и автономности*. Школа (так же как и дом) — это «гибкое образование, где сохраняется благодатный и разумный баланс замкнутости от мира и открытости к миру и людям в Боге» (Ничипоров, 1994, с. 57).

Если в монографии 1994 года эти идеи были еще только обозначены, то в последующих статьях и вышедшей в 2002 году книге «Времена и сроки. Очерки онтологической психологии» они уже обоснованы и дополнены. Рассмотрим педагогические антиномии, которые были сформулированы о. Борисом в его работах и выступлениях.

Антиномия *свободы и послушания* прежде была лишь упомянута, теперь

она принимает вид двойной антиномии *власти и безвластия, свободы и послушания*, первая пара из которых «имеет отношение к самому педагогу, вторая — к ученику» (Ничипоров, 2002 б, с. 164).

Антиномия назидания и молчания (или активности и недеяния). Учитель «должен и неустанно назидать», и молчаливо являть пример достоинства и образ чистоты. «Когда и как надо молчать и молиться, когда и как учить, знает опыт и интуиция. Молчание не есть обязательно реальное молчание. Молчание — это в том числе и „общий разговор“ не о том. <...> Но есть время, когда педагог не может и не должен говорить и назидать. Это плохо. Это не профессионально. Он должен молчать. Молчащее слово. Когда он видит и молчит. Знает и молчит. Молчит невыразительно, как бы смиренно» (Ничипоров, 2002 б, с. 167).

Антиномия победы и поражения (антиномия братства). Братство (как и соборность) иерархично узаконивает неравенство старшего и младшего, руководителя и подчиненного, ведущего и ведомого. Братство снимает оппозицию индивидуализм — коллективизм. Детско-взрослое братство школы может быть создано, а может и нет. Братство должно выдержать самые разные испытания пути: славой и успехом, скорбями и гонениями, временем. Ошибки и их осмысление — основной капитал Братства.

Антиномия романтизма и реализма (антиномия духовника). Обуславливает руководящую роль взрослого, который, с одной стороны, должен быть «наивным романтиком» и, с другой стороны, «жестким прагматиком и администратором, мудрым стратегом и тактиком, реалистом». Но при этом настоящий педагог не просто верит, он твердо верит — Образ Божий в человеке неуничтожим. И пока человек жив — есть надежда. Свобода педагога, свобода духовника состоит в том, что они должны лишь сеять, сеять умело, а почву плодородную или каменистую выбирать не нам.

Антиномия мистического и реального. Важно достичь правильного сочетания, баланса мистического и реального в душе ребенка. Преобладание мистицизма порождает душевную болезненность, а реализм сам по себе, вне глубинной духовной ориентации становится причиной цинизма, скепсиса и меркантильности.

Антиномия мистического и рационального. По мнению отца Бориса, нарушение баланса в этом вопросе приводит либо к отсутствию трезвения, вследствие чего люди попадают в рабство жажды постоянных видений, откровений, либо к избыточному рационализму, проявляющемуся в подозрительности, недоверии, навязчивом стремлении все подвергать сомнению. Разумность сочетания мистического и рационального всегда предохраняла людей от психических расстройств, от состояний одержания и прелести, прельщения, погружения в мир, которого нет.

Сведем обозначенные педагогические принципы-антиномии в таблицу 1 (в скобках приведены термины, привычные для научной педагогики).

Педагогические антиномии о. Бориса Ничипорова

№ п/п	Принцип	Антиномия	
1		свободы	послушания
2		вселенского (общекультурного)	местного (национального)
3		традиционного	прогрессивного (инновационного)
4		открытости	автономности
5		власти	безвластия
6		молчания (недеяния)	назидания (активности)
7	антиномия братства	победы	поражения
8	антиномия духовника	романтического	реального
9		мистического	
10			рационального

Совершенно очевидно, что система педагогических антиномий о. Бориса Ничипорова не завершена и, видимо, не полна. Причина тому — ранний уход из жизни этого яркого человека, который наряду с пастырским служением раскрылся еще и как одаренный писатель, проницательный ученый, незаурядный педагог. Полагаю уместным дополнить данную систему другими устоявшимися в педагогике и психологии идеями.

Антиномия *цельного и частного* (частичного). Эта идея «примиряет» сторонников *интеграционных* и *дифференциальных* подходов. Здесь мы сошлемся на протопресвитера Василия Зеньковского, который считал, что «кроме целостности в самом явлении важна и многосторонность его восприятия» (Зеньковский, 1997, с. 103). В современной педагогике данный аспект отражен в концепции интедиффии образования В. Ф. Моргуна, где под интедиффией понимается «пульсирующий взаимопереход между интеграцией и дифференциацией содержания образования, методов обучения и воспитания, учебно-воспитательных учреждений, который обусловлен как потребностями и возможностями общества, так и способностями, интересами личности» (Моргун, 2003, с. 4).

Антиномия *доступности и высокого уровня трудности*. Эта антиномия «примиряет» классические воззрения Коменского с современной теорией развивающего обучения. Чередование доступности и высокого уровня трудности позволяет, закрепляя успех в обучении, двигаться высоким темпом в освоении учебного материала.

Безусловно, что главный не предполагающий антиномичности принцип православной педагогики — это *Христоцентричность* (Иоанн (Экономцев), 1994, с. 2). Вслед за протоиереем Константином Зелинским его можно было бы назвать принципом *со-Образности* (вместо привычного для педагогики принципа *сообразности*).

На юбилейных X Рождественских международных образовательных чтениях о. Борису Ничипорову задали вопрос «Можно ли сказать, что в развитии человека к *обожению* дается снижение антиномичности?», на который был получен очень точный ответ: «Я думаю, что нет снижения антиномичности, потому что Бог непознаваем, и в этом смысле всегда глубина остается непознаваемой, как океан огромный». Тогда спросивший уточнил: «Так же точно и человек?» «Я думаю, да», — ответил о. Борис.

Многомерная модель педагогической реальности

Педагогика изобилует крайностями. Современные педагогические разработки обосновывают какую-либо из них. Судите сами: одни ратуют за социализацию, другие — за индивидуализацию; одни — за интеграцию, другие — за дифференциацию; одни — за формирование личности, другие — за ее поддержку; одни — за доступность в обучении, другие — за высокий уровень трудности; одни — за автономность образования, другие — за гетерономность. И те и другие изысканны и убедительны в аргументации. Ни одних, ни других не упрекнешь в бездоказательности или ненаучности приводимых доводов. В результате педагогика раздираема крайностями, а школа впадает в те из них, которые объявляются «инновационными». Но при этом крайность не перестает быть крайностью. Отсутствие цельности в педагогическом мышлении и разноречивость в педагогических подходах именуются вариативностью и являются предметом особой гордости реформаторов системы образования. На деле мы наблюдаем ситуацию нарастающего хаоса.

Пути преодоления хаотизации образования, на наш взгляд, и были подсказаны о. Борисом Ничипоровым.

К сожалению, антиномический подход в отечественной педагогике практически не реализован. Стараясь наметить самые общие пути его приложения, мы разработали многомерную модель педагогической реальности (таблица 2). Модель представлена в матричном виде. Она включает системообразующие оси (ось средств, ось содержания, ось времени) и исходные антиномические пары (антиномия внутреннего и внешнего, антиномия общего и частного, антиномия статичности и динамичности, антиномия разделения и слитности). На их пересечении получаем инвариантные аспекты проектирования педагогической реальности, каждый из которых имеет свою специфическую полярность и потенциал обеспечения разумного баланса.

Аспекты проектирования педагогической реальности

	Ось средств	Ось содержания	Ось времени
Антиномия внутреннего и внешнего	1. Процессуальный аспект или антиномия социализации и индивидуализации	2. Системно-содержательный аспект или антиномия явного и скрытого содержания образования	3. Темпоральный аспект или антиномия устойчивости и неустойчивости
Антиномия общего и частного	4. Инструментальный аспект или антиномия концептуального и инструментального	5. Учебно-содержательный аспект или антиномия общего и специального (профессионального) образования	6. Хронотопический аспект или антиномия временного и вечного
Антиномия статичности и динамичности	7. Оценочный аспект или антиномия текущей и итоговой оценки	8. Организационно-содержательный аспект или антиномия концентрированности и распределенности	9. Организационно-временной аспект или антиномия продолжительного и краткого
Антиномия разделения и слитности	10. Уровневый аспект или антиномия доступности и высокого уровня трудности	11. Эмоциональный аспект или антиномия положительного и отрицательного	12. Возрастной аспект или антиномия интеграции и дифференциации образовательного процесса

Описание каждого из аспектов представляет собой самостоятельный план исследовательских задач, который выходит за рамки данной статьи. Ранее это уже было сделано в монографиях «Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии» (Остапенко, 2005) и «Педагогика разумного баланса. Антиномизм как методология моделирования многомерных педагогических теорий и систем» (Остапенко, 2010). Сейчас же мы хотели показать, что работа с педагогической реальностью возможна с опорой на методологические принципы христианского антиномизма. Надеемся, что антиномический подход послужит примирению полемизирующих позиций и сближению светской и религиозной педагогических школ.

Библиографический список

- Аверкий (Таушев), архиеп.* Семь Вселенских Соборов / архиепископ Аверкий (Таушев). — Jordanville, N. Y.: Holy Trinity Monastery, 1968.
- Бердяев, Н. А.* Стилизованное православие / Н. А. Бердяев // П. А. Флоренский: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 1996. — С. 266–284.
- Булгаков, С. Н.* Проблема «условного бессмертия». Из введения в эсхатологию / С. Н. Булгаков // Путь [Париж]. — 1937. — № 52, 53.
- Булгаков, С. Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. — М.: Республика, 1994.
- Вейсман, А. Д.* Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. — М.: Греко-римский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.
- Глаголев, С.* Задачи русской богословской школы / С. Глаголев // Символ [Париж]. — 1983. — № 10.
- Глаголев, С. С.* <Отзыв на книгу о. Павла Флоренского «О духовной истине». М., 1912> / С. С. Глаголев // П. А. Флоренский: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 1996. — С. 246–253.
- Дионисий Ареопагит, св.* Божественные имена. Послание к Тимофею / св. Дионисий Ареопагит // Мистическое богословие / сост. о. Леонид Лутковский. — Киев: Путь к истине, 1991. — С. 13–93.
- Егорова, С. Б.* Антиномизм и диалектика в учении П. А. Флоренского: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03 / С. Б. Егорова. — Саратов, 2009.
- Иоанн (Экономцев), игум.* Православное образование и деятельность Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата / игум. Иоанн (Экономцев). — М., 1994.
- Зеньковский Василий, прот.* Педагогика / прот. Василий Зеньковский. — М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1997.
- Кленко, С. Ф.* Інтегративна освіта і поліморфізм знань / С. Ф. Кленко. — Київ, Полтава, Харків: ПОІПОПП, 1998.
- Краткая философская энциклопедия. — М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994.
- Кураев Андрей, диакон.* Традиция. Обряд. Догмат. Апологетический очерк / диакон Андрей Кураев. — М.; Клион: Изд-во братства Св. Тихона, 1995. — С. 134.
- Лосский, В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви / В. Н. Лосский // Мистическое богословие / сост. о. Леонид Лутковский. — Киев: Путь к истине, 1991. — С. 95–260.

Лосский, В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский. — М.: АСТ, 2003.

Моргун, В. Ф. Интедіфія освіти / В. Ф. Моргун. — Полтава: Наукова зміна, 1996.

Моргун, В. Ф. Интеграция и дифференциация образования: личностный и технологический аспекты / В. Ф. Моргун // Школьные технологии. — 2003. — № 3. — С. 3–9.

Ничипоров Борис, свящ. Введение в православную психологию: Размышления священника-психолога / свящ. Борис Ничипоров. — М.: Школа-пресс, 1994.

Ничипоров Борис, прот. Воспитывающая благодать / прот. Борис Ничипоров // В начале пути... Опыты современной православной педагогики. Сборник бесед и выступлений. — М.: Храм Трех Святителей на Кулишках, 2002 а. — С. 159–186.

Ничипоров Борис, прот. Времена и сроки. Кн. 1: Очерки онтологической психологии / прот. Борис Ничипоров. — М.: Паломник, 2002 б.

Осипов, А. И. Истинность христианства. Лекция в МДАиС // CD Лекции профессора МДАиС Осипова А. И. Основное богословие. Вып. 1. — М.: Студия «Духовное образование», 2002.

Остапенко, А. А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии / А. А. Остапенко. — М.: Народное образование, НИИ школьных технологий, 2005.

Остапенко, А. Педагогика разумного баланса. Антиномизм как методология моделирования многомерных педагогических теорий и систем / А. Остапенко. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.

Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. — Репринт. изд. М.: Концерн «Возрождение», 1992.

Поснов, М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей 1054 г.) / М. Э. Поснов. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1964.

Трубецкой, Е. Н. Свет Фаворский и преображение ума. По поводу книги свящ. П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» / Е. Н. Трубецкой // Вопросы философии. — 1989. — № 12. — С. 112–129.

Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. — М.: Правда, 1990.

Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М.: Республика, 1992.

Хоружий, С. С. Мирозерцание Флоренского / С. С. Хоружий // Начала. — 1993. — № 4. — С. 98–117.

Научный альманах

ЖИВАЯ ВОДА

Выпуск 1

Составитель

Александр Владимирович Шувалов

Главный редактор

Александр Владимирович Шувалов

В подготовке издания приняли участие сотрудники психолого-логопедического отдела
ГБОУ Центр развития творчества детей и юношества «Лефортово».

На обложке:

Свято-Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь
На обороте авантюла: икона Божией Матери Калужская

Компьютерная верстка, оформление и дизайн

Сергей Иванович Захаров

Макет обложки

Сергей Иванович Захаров

Редакторы, корректоры

Надежда Александровна Аверьянова

Татьяна Семеновна Кирина

Наталья Васильевна Солнцева

Подписано в печать 27.04.2012. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 13,5 печ. л. Тираж 1000 экз. В 5. Заказ 181.

Государственное образовательное автономное учреждение
дополнительного профессионального образования Калужской области
«Калужский государственный институт модернизации образования»
248000, Калуга, ул. Гагарина, 1.

Отпечатано в ГУП «Облиздат»

248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.